

Продолжаем начатую в № 3 (47) публикацию материалов, посвященных 80-летию Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории.

Автор и координатор проекта Д. Ю. Брагинский, редакция

Grigoriy KORCHMAR "Not for school, but for life"

The composer and pianist Grigoriy Korchmar recalls his school years and his music career from a violin player to composer. He is the Honored Artist of the Russian Federation, chair of the St. Petersburg Union of Composers, Professor at the St. Petersburg Conservatory and Herzen State Pedagogical University of Russia, the art-director of the St. Petersburg's Musical Spring festival, the artist of the Chamber Ensemble Soloists of St. Petersburg.

Keywords: G. O. Korchmar, the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, the Leningrad (St. Petersburg) Conservatory, V. Y. Ovcharek, S. Y. Volfenson, V. Y. Kunde, S. I. Markon, M. K. Veltistova, B. M. Pergamenschikov, M. L. Maisky, V. T. Spivakov, Ph. Hirshhorn, G. M. Kremer, Y. I. Simonov, G. I. Banschikov, V. G. Arzoumanov, V. N. Salmanov, P. A. Serebryakov, Y. N. Tulin, M. L. Rostropovich.

Григорий КОРЧМАР **«Не для школы, а для жизни»**

О школьных годах и своем пути в музыке от скрипача к сочинителю рассказывает Григорий Овшиевич Корчмар — композитор и пианист, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, председатель Союза композиторов Санкт-Петербурга, профессор Санкт-Петербургской консерватории и Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, художественный директор международного фестиваля «Петербургская музыкальная весна», артист камерного ансамбля «Солисты Санкт-Петербурга».

Ключевые слова: Г. О. Корчмар, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории, Ленинградская (Санкт-Петербургская) консерватория, В. Ю. Овчарек, С. Я. Вольфензон, В. Я. Кунде, С. И. Маркон, М. К. Велтистова, Б. М. Пергаменщиков, М. Л. Майский, В. Т. Спиваков, Ф. Хиршхорн, Г. М. Кремер, Ю. И. Симонов, Г. И. Банщиков, В. Г. Арзуманов, В. Н. Салманов, П. А. Серебряков, Ю. Н. Тюлин, М. Л. Ростропович.

Non scholae sed vitae discimus

е для школы, а для жизни учимся» — эта надпись на латыни была выбита на здании нашей школы очень давно, когда в нем еще располагалось Реформаторское училище. Действительно, это была колоссальная и замечательная школа жизни, причем не только творческой, но и бытовой, общечеловеческой. Именно там мы приобретали этические ценности, не говоря уже об эстетических.

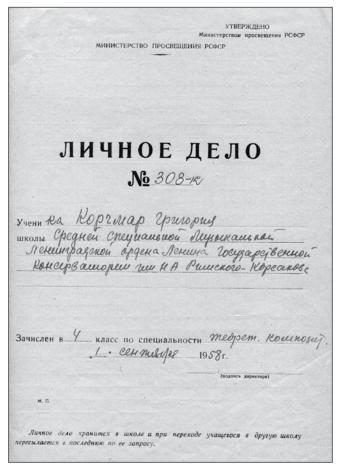
От скрипки — к композиции

Мама привезла меня в Ленинград из Калининграда в 1958 году. Мне было десять лет. К тому времени я четыре года проучился по классу скрипки в музыкальной школе имени Р. М. Глиэра и с семи-восьми лет начал «марать бумагу» сочинительством. К этому меня во многом подтолкнул старший брат, занимавшийся тогда на фортепиано. Он разучивал сонатины Кулау, какие-то легкие произведения Моцарта, и я однажды подумал: «Чем же я хуже этих композиторов!» И, конечно, стал им подражать. По общему классу фортепиано я учился в Калининграде у родной сестры ленинградского композитора Евсея Гдальевича Веврика. Он был членом Союза композиторов и блистательным пианистом, аккомпанировал нашей сборной по художественной гимнастике в те годы, что было очень непросто, и объездил со сборной почти всю планету. Веврик посмотрел мои пьески,

Г. Корчмар. 1958 год

Школьное личное дело Г. Корчмара

благожелательно отозвался о них и посоветовал поехать в Ленинград, с тем чтобы показаться специалистам. Весной мои «творения» смотрели руководители семинара самодеятельных композиторов в Союзе композиторов и тоже посоветовали поступать в ленинградскую ССМШ.

Однако в десятилетке теоретико-композиторское отделение официально было доступно только с восьмого класса. Поэтому мне пришлось поступать в четвертый класс как скрипачу. Это выглядело очень забавно, поскольку, будучи среди первых в Калининграде, я был весьма самонадеянным и собирался поразить весь ленинградский музыкальный мир. На самом деле я даже никогда не играл с аккомпанементом и перед исполнением на вступительном экзамене соль-мажорного концерта Вивальди очень удивился, когда одна дама из комиссии встала, взяла ноты и подошла к роялю. Естественно, из первой попытки сыграть под фортепиано тогда ничего хорошего не получилось: она уже закончила играть, а я еще доигрывал последний пассаж.

Я был настолько уверен, что с блеском поступил, что, не дожидаясь результатов, уехал обратно в Калининград. Мы с мамой очень удивились, когда, снова приехав в конце августа, не нашли моей фамилии в списках поступивших. Тогда меня спас один из руководителей композиторского семинара, Иоганн Григорьевич Адмони. По его ходатайству за подписью тогдашнего главы Союза композиторов, всесильного Василия Павловича Соловьева-Седого, в школу поступила бумага с просьбой принять этого мальчика ввиду «наличия у него композиторского дарования». Меня все-таки зачислили в класс скрипки. Я должен был жить в интернате (как иногородний), но места не хватило, и поэтому меня отослали во двор через две арки, в семиметровую комнату, в которой жили дворник, его жена и внучка. Днем я там почти не бывал, но ночевать приходилось. Со второго полугодия меня поселили в интернат, но не со своим классом, а с мальчиками постарше. Они, естественно, всячески подтрунивали надо мной, а я очень остро воспринимал их шутки. Только со следующего года я попал в комнату с одноклассниками. Позднее я понял, что и в этом времени были свои плюсы, поскольку меня окружали очень талантливые и в будущем известные люди. О них и об интернате я расскажу позже.

По классу скрипки я попал к молодому тогда педагогу (кажется, это был первый год его преподавания) Владимиру Юрьевичу Овчареку, в будущем первой скрипке квартета имени С. И. Танеева и концертмейстеру оркестра филармонии. Я не любил заниматься на скрипке, и, конечно, отношения у меня с учителем не сложились, поскольку он видел и слышал, как я царапаю струны, в то время как остальные ученики у него уже были весьма подвинутые. На первом годовом экзамене я благополучно получил двойку и должен был быть отчислен, но параллельно я много занимался композицией с Сергеем Яковлевичем Вольфензоном и добился первых успехов. (Через много лет, будучи в нашем городе уже достаточно известным пианистом, я выступал в дуэте с Овчареком в Малом зале филармонии. Он, конечно, меня не узнал. Но перед выходом на сцену меня, как говорится, «какая-то муха укусила», и я садистски напомнил ему историю с моим исключением. Владимир Юрьевич очень смутился, однако я тут же сердечно по-

благодарил его за то, что он избавил меня от скрипичных мучений и тем самым открыл дорогу к моей благополучной музыкальной карьере... В тот вечер мы играли особенно вдохновенно!) До сих пор не могу понять, кто именно содействовал тому, что до восьмого класса целых три года я жил в интернате и полноценно учился абсолютно на птичьих правах. Моя вечная благодарность этим людям... Только в восьмом классе меня зачислили на теоретико-композиторское отделение и я стал полноправным членом школьного музыкального сообщества.

Попутно хочу заметить, что, по моему мнению, композиции надо обучать с первого класса. Конечно, не все станут Моцартами, но основам учить надо. Я бесконечно благодарен Вольфензону за то, что восемь лет получал у него высокопрофессиональные знания по композиции, которая стала моей основной специальностью. В наши дни, к сожалению, в десятилетке всего этого нет. Заниматься факультативно в последних классах школы, когда ученик занят подготовкой к госэкзаменам по специальности, — это мало что дает. Я уже много лет преподаю в консерватории на кафедре композиции, и, конечно, сердце кровью обливается, когда думаешь о разнице между ребятами, поступавшими в консерваторию в прежние времена, — многие из них уже были сложившимися музыкантами — и теми, кто поступает сейчас на довольно «пещерном» уровне. Это касается не только десятилетки, но и городских училищ. А ведь зачастую поступать с периферии приезжают юноши и девушки, у которых уровень композиторской подготовки оказывается выше, чем у нас — в Северной столице! Очень обидно...

Валентина Яковлевна Кунде

Итак, скрипку я забросил и довольно средненько учился по общему курсу фортепиано. Первый год я провел в классе Иосифа Захаровича Шварца. Он, к слову сказать, был первым исполнителем «Фантастических танцев» Шостаковича, чем очень гордился. Шварц рассказывал на уроках много интересного, например, как общался с Глазуновым, с которым был весьма дружен. Однако до занятий с учениками дело доходило редко... Через год он закончил преподавать, и с пятого класса я перешел к Валентине Яковлевне Кунде. Для меня она стала в буквальном смысле второй мамой. Я очень нуждался в поддержке, чувствуя свое одиночество в интернате. Валентина Яковлевна много лет жила на Театральной площади, и для меня каждое посещение ее дома было огромным праздником. Мы слушали с ней много музыки — в основном, конечно, фортепианной, — сравнивали разные исполнительские манеры.

Первые три года было сложно. Помню, как в седьмом классе играл под ее аккомпанемент первую часть Концерта ре минор Моцарта и получил пять с минусом, что для ОКФ считалось плохо, так как композитор должен хорошо владеть фортепиано. Но потом произошел

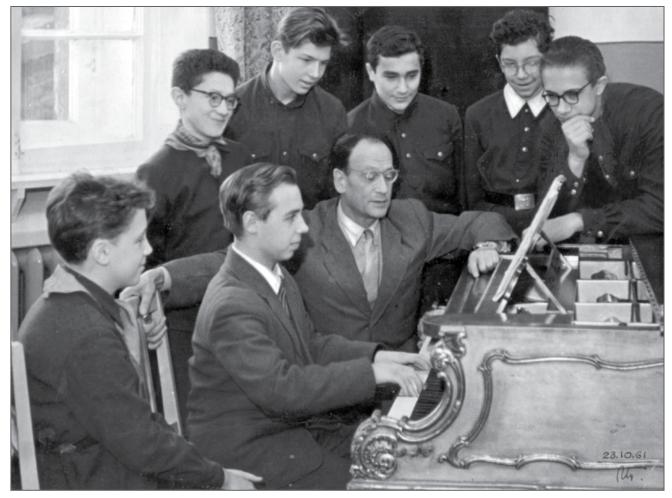
какой-то сдвиг. В восьмом классе Валентина Яковлевна готовила концерт своего класса в Большом зале школы. Я был единственный, кто занимался с ней ОКФ, остальные — специалисты, причем хорошего уровня. В ее классе учились Володя Мищук, будущий лауреат конкурса Чайковского, и Лева Винокур, сделавший потом хорошую карьеру на Западе. И Валентина Яковлевна рискнула выпустить меня на концерт вместе с очень продвинутыми пианистами. Я играл третью «Сказку старой бабушки» Прокофьева и очень популярное тогда произведение — Рондо Кабалевского, которое незадолго до того было написано специально для I Конкурса имени П. И. Чайковского как обязательное произведение второго тура. Оно было технически сложное и довольно эффектное, и на том концерте я его как-то очень удачно сыграл. Правда, после этого успеха я решил, что со всем могу справиться, и когда Валентина Яковлевна выпустила меня на учебный концерт школы в том же Большом зале, я взял первую часть Второй сонаты Шумана и с ней, мягко говоря, не справился.

Я очень благодарен В. Я. Кунде как педагогу, помимо всего прочего, за одно обстоятельство. В самом начале наших занятий она задала мне какое-то упражнение Ганона и этюд Лешгорна, но когда я пришел на урок и она увидела мое супертрагическое лицо, то сказала: «Знаешь, я поняла, что ты не будешь учить гаммы и этюды». Я согласился: «Делайте что хотите, но не буду...» Она спросила, что я хочу играть, я ответил: «Сонату Грига».— «Но ведь это же сложно, ты не справишься!» — «А я буду очень стараться». Так я ей приносил в корявом виде сначала Грига, потом «Аппассионату» Бетховена... И вот, замахиваясь на такие вершины, я стал довольно быстро продвигаться даже в техническом плане, хотя ни разу в жизни не сыграл ни одного инструктивного этюда и ни одной гаммы. В конце концов благодаря этому «криворужейному» методу я успешно играл уже на первых курсах консерватории такие сложные произведения, как Hammerklavier (29-ю сонату) Бетховена, его же 33 вариации на тему вальса Диабелли, Второй концерт Брамса, все этюды-картины Рахманинова. На Всероссийском конкурсе в 1968 году, обучаясь на третьем курсе, я получил первую премию за трудную программу со Вторым концертом Прокофьева.

В 11 классе меня от школы послали в Минск, где я сыграл с оркестром Первый концерт Прокофьева. В мае, перед выпускными экзаменами, должен был состояться отчетный концерт школы в Большом зале филармонии. За несколько дней до него Валентина Яковлевна сообщила, что заболел Гриша Соколов и я должен выступить вместо него. В результате я представлял пианистическую школу десятилетки с двумя этюдами-картинами Рахманинова, что было для меня очень почетно.

По окончании школы я получил два диплома — композиторский и фортепианный. В 1966 году я поступил в консерваторию на два факультета одновременно, по композиции — к Вадиму Николаевичу Салманову, а по фортепиано — к Павлу Алексеевичу Серебрякову,

Урок композиции ведет С. Я. Вольфензон. За роялем А. Березов, слева сидит П. Слухов. Стоят, слева направо: Г. Корчмар, Ю. Бойко, В. Арзуманов, Б. Пергаменщиков, К. Кучеров

бывшему тогда ректором (в его классе я провел пять лет и еще два года ассистентуры-стажировки). Система В. Я. Кунде — двигаться вперед, пусть порой коряво, но на замечательных произведениях, — сработала потрясающе. Я до сих пор работаю как пианист — конечно, уже не в качестве солиста, но много в камерных оркестрах: двадцать лет я прослужил пианистом и клавесинистом в Оркестре старинной и современной музыки (сейчас это Государственный академический симфонический оркестр под управлением А. В. Титова). На протяжении многих лет я — клавесинист в камерном ансамбле «Солисты Санкт-Петербурга» под руководством М. Х. Гантварга.

Сергей Яковлевич Вольфензон

Мой педагог по композиции Сергей Яковлевич Вольфензон — совершенно замечательная личность, суперинтеллигент, человек удивительно корректный и тактичный. У него была чудесная жена, подруга жизни, но так случилось, что у них не было потомства, и он всю нерастраченную любовь к детям переносил на нас, своих учеников. Например, у него практически обрел второй дом композитор Саша Смелков. Если бы у меня впереди еще были время и силы, то я обязательно написал бы книгу о Сергее Яковлевиче под названием «Уроки Учителя» — для этого есть очень интересный материал.

Как уже было сказано, я занимался у него с четвертого класса. Родители очень тяжело переживали разлуку со мной, и когда я бывал в Калининграде на каникулах, перед отъездом мне выдавались пустые почтовые открытки с обратным адресом и марками. Поскольку другого способа связи тогда не было, я был обязан два раза в неделю опускать в почтовый ящик по открытке, в которой своим детским почерком подробно излагал все произошедшее за половину недели. До седьмого класса я послушно это исполнял. Родители сохранили все мои открыточки, и мама через много лет мне их передала. Это потрясающий материал, потому что я чувствовал себя обязанным подробно рассказывать обо всем, хотя ни отец, ни мать не были музыкантами. Например, я описывал для них уроки с Вольфензоном в таком духе: «Я принес пьесу "Зайчик на лесной полянке". Сергей Яковлевич сказал, что второе музыкальное предложение надо бы расширить, а то очень квадратно получает-

ся. А в таком-то по счету такте гармония грязноватая, ее надо бы подправить». Когда я потом читал это, то увидел, как выстраивается целая педагогическая система.

Сергей Яковлевич никогда не ограничивал нас в жанрах. Например, когда я только поступил, он спросил меня, что я хочу писать. Я ответил, что начал летом в Калининграде балет «Король-лягушонок» по сказке братьев Гримм. И мы работали над балетом, но с условием, что в нем будет номерная структура в виде отдельных маленьких пьес. В пределах этих пьес он учил меня основам, то есть тому, как музыкальными средствами сначала говорить «мама», потом «мама мыла Милу с мылом». Я гордился, что сочиняю настоящий балет. Его я, конечно, не закончил, но довольно значительно продвинулся вперед. Потом мы меняли жанры. Учитель предлагал: «Давай попробуем написать романс. Возьми, например, "Сосну" Лермонтова, там простой текст». Между прочим, большая часть моей квартиры занята архивом, где есть каждый исписанный нотный листочек с тем, что я делал у Вольфензона, с его пометками. Я ничего не выбросил. (Также у меня есть и все фортепианные ноты с пометками Кунде.) Поэтому мне легко восстановить процесс нашего продвижения вперед.

Мы работали в тех жанрах, в которых мне хотелось. В тринадцать лет я написал первую оперу, правда, для пения с фортепиано: я тогда еще не слишком умел оркестровать. Она называлась «Кошкин дом», по сказке С. Маршака. Но интересно, что сейчас, находясь в весьма солидном возрасте, я стал все чаще вспоминать о сочинениях школьного времени. Пять или шесть из них я вынул из архива и, конечно, очень капитально переработал, а затем пустил в жизнь. И они очень хорошо принимаются публикой, потому что материал там довольно свежий. Например, Концерт для двух скрипок с оркестром был написан в возрасте пятнадцати лет, но не был окончен финал. Около полутора лет назад я посмотрел материал и по-новому развил его, и вот уже два коллектива собираются его играть: концертмейстер академического симфонического оркестра филармонии Александр Шустин с камерным составом и Илья Иофф со своим ансамблем «Дивертисмент».

Когда я окончил 11 класс у Вольфензона, то был уже автором двух опер — «Кошкин дом» и «Спать хочется» (моноопера по очень трагическому рассказу А. Чехова), двух инструментальных концертов — для двух скрипок со струнным оркестром и для двух фортепиано. У меня была начата оратория, написан ряд хоровых сочинений, масса инструментальной музыки, например, виолончельное Концертино. С этим багажом я поступал в консерваторию. Сейчас, когда я сижу на вступительных экзаменах, то прихожу в ужас от того, какие мелочи приносят нынешние абитуриенты. На выпускном экзамене в школе я выступал с довольно крупным сочине-

нием для струнного оркестра, сам его продирижировал как мог. Таким образом, Вольфензон не ограничивал нас в жанрах, но внутри них работал очень скрупулезно, учил музыкальной орфографии и грамматике, и делал это блестяще.

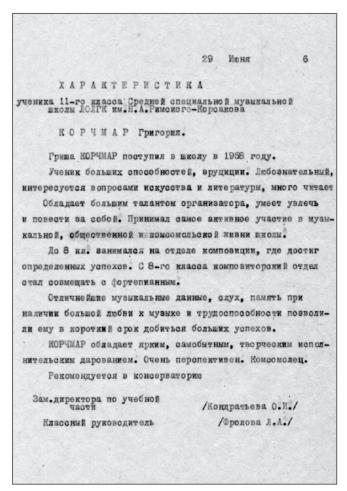
С благодарностью — обо всех

Конечно, могу вспомнить только самым добрым словом всех наших педагогов — как по специальным дисциплинам, так и по общеобразовательным. Например, мне очень помогла в профессиональном плане Мария Константиновна Велтистова, которая преподавала сольфеджио. Я довольно быстро запоминал и быстро писал диктанты. Поэтому, пока она доигрывала положенные шесть раз, я в это время уже решал дополнительную задачку по гармонии из сборника Мутли. Сначала, конечно, с параллельными квинтами, но Мария Константиновна все исправляла, подсказывала и так, «по ходу», очень продвинула меня по гармонии. В консерватории мне тоже повезло: я учился по сольфеджио у А. Л. Островского, а по гармонии — у Ю. Н. Тюлина. Сейчас они — легенды, а ведь это были живые люди! Например, послали наш первый курс осенью на картошку, что тогда было обычным делом, так как не хватало рабочих рук. У меня с детства была высокая близорукость, поэтому меня одного со всего курса оставили в городе, а Юрий Николаевич хотел заниматься со всеми и очень расстроился. Узнав, что я остался, Юрий Николаевич велел передать мне номер его телефона, чтобы я ему позвонил. «А Вы не хотите у меня месяц индивидуально позаниматься?» Никто его не заставлял, а я очень хотел! И я дважды в неделю ходил к нему домой, и он с увлечением занимался со мной индивидуально, пока не приехал мой курс.

Среди педагогов десятилетки по общеобразовательным предметам были очень колоритные фигуры. Например, химию преподавала Софья Исааковна Маркон, мать знаменитого скрипача Марка Комиссарова. Удивительная женщина! Да, она была строгая, могла даже накричать, но при этом на уроках всегда добавляла к месту какие-нибудь «хохмы», так что мы как будто попадали в Одессу. Физику вела Инна Павловна Назарян ¹, русский язык и литературу — Людмила Анатольевна Фролова, наш классный руководитель (у нее потом учился и мой сын), математику — Дмитрий Александрович Блохин, географию — Анна Васильевна Нестерова. Замечательный педагог у нас был по немецкому языку — Фаина Михайловна Тылина, очень добрый человек. Еще одна легендарная фигура — Елизавета Мартыновна Саркисян, наш завуч (меня, кстати, не так часто вызывали к ней «на ковер»). Конечно, мы особенно ценили тех педагогов, которые понимали, что их предмет, конечно,

¹ Инна Павловна Назарян проработала в школе несколько десятилетий, став одним из легендарных педагогов школы. Наш класс был последним, который в 2009 году, спустя более чем полвека после описываемого Г. О. Корчмаром времени, окончил изучать школьный курс физики у Инны Павловны (*примеч. Д. А. Варуль*).

Характеристика, выданная Г. Корчмару в ССМШ Ленинградской консерватории. 29 июня 1966 года

важный и нужный, но не профильный для нас, и поэтому немножко нас щадили. Хотя и в нашем классе были люди, которые к старшим классам оставались «середняками» по специальности, но у них были хорошие задатки по математике или языкам, и они после школы не шли в консерваторию, а, например, поступали с блеском в Университет. И даже если я сейчас ничего не помню ни по алгебре, ни по геометрии, то, думаю, бесполезного ничего не бывает, потому что тогда это была тренировка ума, и она оказывается нужной, когда я сочиняю и строю какие-то музыкальные конструкции.

Мои друзья и одноклассники

Мне очень повезло. Хотя эта школа раньше и небезосновательно называлась школой для особо одаренных детей, но даже на фоне общей одаренности я попал в замечательный класс. Люди, которые в нем учились, потом обрели поистине мировую известность. Прежде всего, это виолончелист Борис Пергаменщиков (он, к сожалению, уже давно скончался, в довольно раннем возрасте) — мой самый близкий друг, лауреат первой премии конкурса имени П. И. Чайковского, один из самых ува-

жаемых на Западе исполнителей (он потом эмигрировал и долгое время жил в Германии и преподавал в кельнской Hochschule), великолепный и разносторонне образованный музыкант. Мы иногда над ним подтрунивали. Играет, скажем, «Зенит» накануне:

- Боря, а ты не знаешь, с каким счетом вчера сыграл «Зенит»?
  - Знаю, выиграл 4:3 у «Спартака».
  - A ты разве любишь футбол?
  - Не только не люблю, но и терпеть не могу.
  - А почему ты это знаешь?
  - Надо все знать.

Он тоже занимался композицией, сначала втайне даже от меня, потому что стеснялся. Потом все-таки показал мне свои опыты, а затем пошел заниматься к Сергею Яковлевичу Вольфензону факультативно и тоже окончил школу по двум специальностям. Из него мог бы вырасти очень талантливый и значительный композитор. В Большом зале нашей десятилетки в конце очередного учебного года устраивались концерты класса С. Я. Вольфензона, и Боря тоже участвовал в них наравне с другими учениками, при этом сам дирижировал. Он очень старался быть на гребне волны, например, увлекался додекафонией. У меня есть ноты некоторых сочинений Бори, например, опуса для камерного оркестра, Концерта для двух скрипок, который тогда исполняли будущие солисты с мировым именем — Гидон Кремер и Филипп Хиршхорн. Мы с Борей тоже часто играли вместе. Был у нас и коронный дуэтный номер — Экспромт Арутюняна для виолончели и фортепиано.

Конечно, есть вещи, о которых вспоминаешь с улыбкой. Сначала мои родители переехали в Кронштадт, и лето я проводил там, а Боря с родителями отдыхал в Разливе. Мы были в восьмом классе. Он писал оперу по пушкинской «Сказке о попе и работнике его Балде», а я был его либреттистом. У меня частично сохранилась переписка с ним, где я посылал свои куски либретто, он — свои замечания к ним, просьбы о переделке, отчеты о сочиненной музыке и ее фрагменты, — все это письмами, хотя нас разделял всего кусочек залива. Перечитывать эту переписку сейчас очень смешно и трогательно. Мы читали тогда всякую литературу, например, труды Стасова и Серова, пытались им подражать, старались быть такими умными, воображали, будто бы эта наша переписка — почти как у Стасова и Серова.

Когда у Бориса Пергаменщикова возникла дилемма, на какое отделение поступать в консерваторию, решающее значение имело мнение его отца—виолончелиста. Он настоял, чтобы Боря поступал в класс виолончели, поскольку считал, что исполнителям устроиться в жизни легче, чем композиторам. И Боря почти насильно оставил занятия композицией и стал блистательным виолончелистом.

Примерно в седьмом классе к нам присоединился приехавший из Риги Миша Майский, с которым мы тоже очень дружили и жили в одной комнате в интернате. Он приобщил меня к шахматам, хотя сам был второразряд-

ником, а я совершенно ими не увлекался. В восьмом классе я очень тяжело заболел и попал в больницу. Ребята часто ходили меня навещать, и как-то раз Миша принес мне в подарок сборник шахматных дебютов, а также книжку о его шахматном любимце Михаиле Тале, чтобы немного отвлечь меня от болезни. Помнится, на уроке истории я отсаживался от Бори Пергаменщикова к Мише, и мы с ним под столом играли в шахматы. А когда однажды нас засекли и сделали выговор, мы продолжили играть «вслепую», то есть без доски. У меня сохранилась запись партии, которой я горжусь, так как белыми фигурами пожертвовал в ней слона на h7 и поставил Мише мат, хотя он в принципе играл лучше меня.

Миша Майский был очень колоритной фигурой, «своим парнем». Его карьера в дальнейшем была блистательной, хотя жизнь складывалась драматично. В одиннадцатом классе он стал лауреатом конкурса П. И. Чайковского, его заметил М. Л. Ростропович, Миша поступил к нему в Московскую консерваторию и отучился у него курс. Он захотел приобрести магнитофон, что естественно для музыканта, и купил его у частного лица у входа в спецмагазин «Березка», который считался местом «для избранных». И его тут же арестовали, обвинили в спекуляции (тогда это называлось «фарцовкой») и осудили на два года, правда, без пребывания в заключении, но сослали в Нижегородскую область, где он работал музыкальным руководителем какого-то клуба. Ростропович помог ему оттуда выбраться раньше назначенного срока, и Миша вскоре эмигрировал. (Сейчас эта история выглядит дико, но такова была жизнь в те времена.)

Казалось бы, уже этих двух выдающихся виолончелистов из нашего класса хватило бы с лихвой, но я могу вспомнить и другие имена блистательных музыкантов. Например, Адиль Федоров — многолетний ведущий кларнетист филармонического оркестра, с ним я тоже сидел за одной партой. Пианист Семен Скигин, уже много лет живущий в Германии, — чудесный концертмейстер, аккомпанирующий мировым звездам вокала. Пианистка Наталья Климовская, ныне директор музыкальной школы имени С. С. Ляховицкой. Все мы сейчас разбросаны по свету, но стараемся встречаться, и каждая такая встреча бывает очень трогательной...

Приходилось общаться не только с одноклассниками, но и с учениками других классов. У всех мы чемунибудь учились. Например, в моем архиве лежат ноты произведения, на титуле которого написано «Спиваков — Корчмар». Я был тогда в шестом классе, Спиваков — в восьмом или девятом. Сижу я как-то за роялем в классе на третьем этаже и пытаюсь что-то сочинять. Открывается дверь, входит Володя Спиваков и говорит:

- —Привет!
- —Привет!
- Ты, говорят, композитор?
- Ну, немного.
- Понимаешь, я в душе тоже композитор. Больше всего люблю на скрипке импровизировать, и у меня даже что-то получается. Но вот записать мне все это как-

то лень, не с руки... Давай сделаем так: я принесу скрипку и буду наигрывать, а ты попытайся записать — если нужно будет что-то повторить, я сыграю еще раз! А потом присочини фортепианную партию...

И он стал мне играть, а я записывать. В результате вышла мелодия с развитием, к которой я потом действительно присочинил фортепианный аккомпанемент. Назвал я это творение «Еврейской мелодией», поскольку в партии скрипки все время были увеличенные секунды. В дальнейшем судьба нас развела, и мы больше не общались, но у меня дома эта пьеса лежит до сих пор.

В дополнение к рассказу о моих товарищах по школе хочу привести еще один случай, на тему «Как достигаются вершины мастерства». Филипп Хиршхорн — легендарная личность — был немного старше меня, и мы не были близкими друзьями. Он еще в школе считался одаренным от Бога, виртуозом, каких мало. Играл с потрясающей легкостью, и достижения были соответствующие — первая премия на Конкурсе имени королевы Елизаветы в Брюсселе, триумф на Конкурсе имени Н. Паганини... Он, как и Гидон Кремер, приехал в школу из Риги, примерно в восьмой класс (Гидон — в десятый, чтобы доучиться здесь и потом поехать в Москву к Д. Ойстраху).

Это к концу жизни стирается разница между возрастами, а тогда мальчики из одиннадцатого класса свысока смотрели на учеников из восьмого. Гидон у нас считался рафинированным интеллектуалом, хотя никогда не был заносчивым. Могу вспомнить такую колоритную деталь. Несколько лет спустя я встретил его в Петербурге, как раз около десятилетки. На вопрос, какими судьбами он оказался здесь, Гидон ответил, что он фанат актрисы Алисы Фрейндлих и приезжает из Москвы практически на все спектакли БДТ с ее участием.

Возвращаюсь к Филиппу Хиршхорну. Он был ужасный хулиган, часто колобродил, был на грани исключения из школы. Но вот он стал готовиться к конкурсу имени Паганини, на котором потом блистательно получил первую премию. В интернате есть изолятор для заболевших учеников, а я однажды схватил тяжелый грипп, и меня с высоченной температурой поместили в этот изолятор. Между помещениями были очень тонкие перегородки, а по соседству с изолятором находились музыкальные классы. Как-то рано утром я проснулся от звуков скрипки: кто-то за стеной играл первое технически сложное место в ре-мажорном концерте Паганини, с шестнадцатыми в терцию. Играл в темпе похоронного шествия. Я в полугорячечном бреду провалился в сон. Просыпаюсь часа через два и слышу то же самое место в чуть-чуть сдвинутом темпе. Часов пять он меня мучил, в конце концов дойдя до нужного темпа, и потом звуки скрипки прекратились, чему я был очень рад. Мне принесли какую-то еду, после чего я опять забылся сном. Просыпаюсь под вечер. В разработке этого концерта есть еще одно очень трудное техническое место, с триольными скачками. Слышу его снова в похоронном темпе — точно такое же издевательство с по-

В группе продленного дня. Ефрем Брискин и Григорий Корчмар

степенным ускорением темпа продолжалось до поздней ночи. Я, изможденный, провалился в сон, проспал ночь и проснулся утром опять под звуки первого виртуозного места с терциями, как будто бы не было прошлого дня... И так продолжалось до дня моей выписки из изолятора. Вот с таким тяжелым трудом, при своей феноменальной природной одаренности, Филипп занимался до самого конкурса. Зато прогремел на конкурсе, получил первую премию, играл на скрипке Гварнери дель Джезу. Эпилогом рассказанной истории был выпускной экзамен, где он играл этот концерт Паганини. Играет начало, доходит до первого места с терциями, резко увеличивает скорость и играет его просто в диком темпе, при этом ухитряясь с лукавой усмешкой посматривать в зал на экзаменационную комиссию. То же самое — и с местом в разработке, которое он с таким упорством «зудил» тогда в интернате. Это учебный пример того, чем достигается легкость, с которой такие, как Филипп, с виду играют, «как Моцарт сочиняет».

В нашей школе были и ученики, впоследствии завоевавшие мировое признание, уже в свои юные годы обладавшие такими личностными чертами, как исключительная порядочность, организованность и самодисциплина. Причем проявление этих замечательных качеств порой принимало почти курьезные формы. Об одном таком случае хотелось бы рассказать особо.

Когда я учился в одиннадцатом классе, меня избрали секретарем комсомольской организации. В число моих обязанностей, помимо прочего, входило собирание членских взносов. Одним из самых аккуратных плательщиков был пианист Гриша Соколов, учившийся тогда то ли в восьмом, то ли в девятом классе. При этом мой тезка точно в срок оплачивал не только текущий взнос, но и на несколько месяцев вперед. В тот момент, когда наступило время очередного платежа, Гриша находился в Москве, где принимал участие в III Международном конкурсе имени П. И. Чайковского. И вот, как-то раз прихожу я в школу, в гардеробе меня встречает встревоженная Гришина мама и говорит: «Как хорошо, что я тебя дождалась! Мне рано утром из Москвы звонил сын и сказал о том, что плохо спал ночью, так как накануне вспомнил, что не успел оплатить взносы вперед. Он очень просил меня специально приехать в школу, встретиться с тобой и все уладить». Я был поражен — ведь дело происходило где-то между вторым и третьим туром конкурса, в самый разгар его борьбы за лидерство с обаятельным американским пианистом Мишей Дихтером, и при том еще помнить и переживать за какие-то взносы?.. И кто знает, быть может, такое «очищение совести» также в какойто степени помогло Грише в финальном туре конкурса вчистую переиграть опасного соперника и блистательно завоевать І премию этого престижнейшего состязания?!

Школьный интернат

Последняя тема, которую мне хотелось бы более или менее подробно осветить,—это воспоминания о школьном интернате. Распорядок дня был жестким. В семь утра подъем, и если ты хотел позаниматься в свободном классе, то для этого был час с восьми до девяти. В девять завтрак, потом, в зависимости от смены, обед, ужин, с шести до восьми вечера тоже было время для занятий. Кормили очень скудно— на весь день вкупе (завтрак, обед, полдник, ужин) на каждого ученика полагалось 99 копеек—сумма совершенно мизерная. До сих пор не могу видеть биточки с макаронами (точнее, тогда это были не биточки, а практически мякиш хлеба), поскольку давали их нам почти каждый день.

Конечно, и для меня, и для моих родителей пребывание в интернате было очень болезненным, особенно в первый год. Помню, когда зимой, в первые каникулы, я снова попал в родительский дом, к своим тамошним товарищам, то очень не хотел уезжать обратно в интернат, вплоть до того, что в день отъезда, когда родители должны были посадить меня на поезд, я забился за шкаф, и моей матери со слезами пришлось доставать меня оттуда шваброй. После полугода в комнате дворника, как я уже говорил, меня поселили в интернате в комнату с мальчиками постарше. Поскольку я был среди них младшим, на мне порой «отыгрывались». Тем не менее я жил вместе с интересными людьми, например, со скандально известным в будущем музыковедом Соломоном Волковым. Тогда он был скрипачом, тоже оканчивал десятилетку концертом Паганини, но потом поменял направление своей деятельности. С нами жил знаменитый впоследствии композитор Валерий Арзуманов — сейчас он уже много лет находится во Франции, недалеко от Парижа. И в этой же комнате — ныне профессор Петербургской консерватории, широко концертирующий пианист Валерий Вишневский. Все они были моими первыми старшими товарищами по интернату. Потом я наконец попал в компанию к своему классу. В одной комнате было пятнадцать человек, причем она была проходная, из нее дверь вела в другую комнату, довольно небольшую, где жили старшеклассники, такие, как, например, Юрий Симонов — в дальнейшем Народный артист Советского Союза, многолетний главный дирижер Большого театра. В той же комнате — мы разминулись на год — жил и оканчивал десятилетку как альтист Юрий Темирканов, в ней же побывал и молодой Валерий Гаврилин. Юра Симонов был тогда альтистом и уже мечтал о карьере дирижера. Я благодарен ему за то, что он приобщил меня к «Реквиему» Моцарта в исполнении хора под управлением А. В. Свешникова, записанному на двух пластинках, каждая по тридцать минут.

В пятом классе я оркестровал несколько номеров из своего балета «Король-лягушонок», в котором был, например, «Танец деревянных солдатиков». Это были мои первые опыты в области оркестровки. Я собрал

из интернатских соучеников оркестрик — в нем, помимо струнных, были и духовые, и даже литавры. Мои товарищи помогли мне расписать партии. Я играл на скрипке, и мы в таком составе вышли на сцену 28-го класса на третьем этаже, который был для нас чем-то вроде камерного зала. Юра Симонов встал за пульт и продирижировал для наших воспитателей и нескольких учителей мое сочинение. Таким образом, моим первым симфоническим дебютом управлял один из самых известных в будущем отечественных дирижеров. Еще на нас большое впечатление производил ученик дирижерско-хорового отделения Марис Янсонс, причем в качестве первоклассного баскетболиста, на игру которого мы приходили смотреть в спортзал. Из учеников постарше также вспоминаю Геннадия Банщикова, замечательного композитора, который заканчивал десятилетку у С. Я. Вольфензона, но поступал как баянист, а так как отделения баяна тогда в школе не было, был переведен на кларнет, а потом на теоретико-композиторское отделение. С ним мы, например, были оба влюблены в Десятую симфонию Шостаковича и гоняли ее в четыре руки почти наизусть. С Валерой Арзумановым раздобыли только что прибывшие из Германии четырехручные переложения всех симфоний Брукнера и Малера (в издании Peters) и вдвоем переиграли их все.

Как я уже говорил, поначалу в интернате было очень сложно, но постепенно я освоился настолько, что в восьмом классе меня исключили из него за хулиганство, что было достаточной редкостью. Хулиганство заключалось в том, что я был устроителем и руководителем «ночной забастовки». В интернате имелась комната с телевизором, где по вечерам мы с удовольствием смотрели разные передачи, но до определенного времени, когда приходил воспитатель, тушил экран и свет в комнате и разгонял нас спать. И вот однажды шла какая-то очень интересная передача, но сколько бы мы ни просили воспитателя, он был неумолим. Тогда я сказал: «Все, мы не спим, сидим здесь, никуда не уходим, смотрим телевизор». После этого случая меня и выгнали из интерната, но тогда родители уже снимали комнату в Ленинграде и забрали меня к себе (вскоре они купили квартиру в одном из первых кооперативов, и я стал полноценным жителем Ленинграда). В общем, мы, конечно, шалили, но между тем были очень жадными до музыки и всегда оставались усердными читателями в школьной

Интернат был для нас суровой школой жизни, но он же нас многому научил. Нравы царили жесткие, но справедливые. За некоторые вещи сурово наказывали, могли устроить темную (выключить свет, накрыть виновника одеялом и побить подушками) — например, за воровство, доносительство, предательство, то есть за то, что нарушает, между прочим, библейские заповеди. Мы учились порядочности. Школа, если перекинуть арку к началу, не только научила нас музыке и другим предметам, но и была прекрасной школой жизни.

Записала Д. А. Варуль